УДК 241

Е.В. Белопольская

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН И ПРЕПОДОБНЫЙ ИОАНН ЛЕСТВИЧНИК: К ПРОБЛЕМЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОЗВЫШЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»)

На материале романа А.И. Солженицына «В круге первом» (1968) выявляются примеры художественного воплощения христианской идеи духовного восхождения. Образ лестницы, встречающийся в Священном Писании, был взят за основу при описании пути подвижника к Богу преподобным Иоанном Лествичником. Его «Лествица, возводящая на небо» на протяжении долгих веков являлась непререкаемым авторитетом в духовном становлении многих поколений христиан всего мира. Погружение в русло христианской культуры, а точнее, классического произведения аскетической письменности, обогащает понимание художественного мира первого законченного прозаического произведения Солженицына. Помещенные в «золотую клетку» шарашки, арестанты вынуждены сделать моральный выбор в пользу добра или зла. Такие разные герои, как Рубин и Сологдин, в контексте «Лествицы» демонстрируют существенную близость: они не готовы воспринять выпавшие на их долю испытания как возможность духовного прозрения, их нравственные поиски ограничены вопросами земного благополучия. История Нержина словно подтверждает правильность ряда формулировок св. Иоанна относительно духовной жизни. Обратившись к процессу самопознания, герой выбирает многоступенчатый путь духовно-нравственного восхождения, и, постигая на собственном опыте христианские истины, приближается к аскетической свободе.

Солженицын А.И., Иоанн Лествичник, христианство, аскетизм, подвижничество, ступени «Лествицы», добродетели, пороки, духовная брань.

В размышлениях А.И. Солженицына о смысле человеческого существования, как правило, присутствует мысль о необходимости духовного усовершенствования. «Если бы, как декларировал гуманизм, человек был рождён только для счастья, – он не был бы рождён и для смерти. Но оттого, что он телесно обречён смерти, его земная задача, очевидно, духовней: не захлёб повседневностью, не наилучшие способы добывания благ, а потом весёлого проживания их, но несение постоянного и трудного долга, так что весь жизненный путь становится опытом главным образом нравственного возвышения…» [1]. Писатель склонен сравнивать человеческую жизнь с многоступенчатым подъемом в гору. «Наша жизнь – не в поиске материального успеха, а в поиске достойного духовного роста. Вся наша земная жизнь есть лишь промежуточная ступень развития к высшей – и с этой ступени не надо сорваться, не надо и протоптаться бесплодно» [2]. В идеале жизнь человека виделась Солженицыну

---

[1] Солженицын А.И. Речь в Гарварде // Публицистика : в 3 т. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 327. (При цитировании сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.)

[2] Солженицын А.И. Темплтоновская лекция // Там же. С. 455.

как восхождение к ценностям горнего мира: «Цель жизни человека не в счастьи, а в том, чтобы за долгий жизненный путь духовно подняться, стать к смерти существом духовно более высоким, чем родился» [3].

Уподобление жизненного пути духовному движению по вертикали выражает христианскую идею возвышения к Богу. Как известно, образ лестницы достаточно часто встречается в Священном Писании. Самым запоминающимся примером из него можно назвать видение лестницы Иакову, наверху которой стоял Господь (Быт. 28:13). Путь деятельного восхождения к Богу подробно изображен в «Лествице, возводящей на небо» преподобного Иоанна Лествичника. Как писал в 1854 году игумен Герман (Осецкий), в творении святого Лествичника «изложено все нужное для жизни иноческой, и не только для иноческой, но и вообще для ищущих спасения. В нем заключаются правила, которые указывают истинный путь ко спасению и которые желающих восходить к вратам небесным, словно лествицей, без сомнения, туда возводят. Эта книга для иноков драгоценная и для мирян глубоко назидательная и многополезная» [4]. На протяжении долгих веков это произведение византийской аскетической письменности являлось непререкаемым авторитетом в духовном становлении многих поколений христиан всего мира.

Представление духовной жизни человека в виде лестницы указывает на необходимость духовного совершенствования и постепенность этого процесса [5]. Тридцать глав (степеней) книги, соответствующих определенным добродетелям или грехам, являют собой иерархию духовного преображения, «равночисленного возрасту Господнему во плоти», как говорится в Предисловии к «Лествице».

Говоря о необходимости духовной брани, святой Иоанн подчеркивал, что страсти находятся в отношениях борьбы друг с другом, следовательно, подвижник может победить одну страсть с помощью другой, более слабые – посредством главной. Преодолевая тот или иной порок, подвижник приобретает соответствующую добродетель.

Эта мысль близка представлениям Солженицына, считавшего принципиальным открытием в своей жизни идею о подвижности линии добра и зла в человеческом сердце. В известном высказывании прямо указывается на вытеснение пороков и добродетелей друг другом: «В течение жизни одного сердца линия эта перемещается на нём, то теснимая радостным злом, то освобождая пространство расцветающему добру». Писатель признает трудность и, по существу, бесконечность этой борьбы в сердце человека: «И кто уничтожит кусок своего сердца?..» [6].

---

[3] Солженицын А.И. Публицистика. Т. 3. С. 88.

[4] Герман (Осецкий), игум. Лествица до врат небесных. Как читать «Лествицу» мирянину. М. : Изд-во. им. свт. Игнатия Ставропольского, 2001. С. 90.

[5] Герасименко Н.В., Орецкая И.А. Иоанн Лествичник // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. 2011. Т. 24. С. 404–431. URL : http://www.pravenc.ru/text/471351.html (дата обращения: 11.05.2011).

[6] Солженицын А. Малое собр. соч. : в 7 т. М. : ИНКОМ НВ, 1991. Т. 5. С. 124.

В настоящей статье ставится цель выяснить, каким образом в романе «В круге первом» отразилась христианская идея духовного восхождения, ярко представленная в классическом произведении аскетической литературы.

В художественных произведениях Солженицын обычно помещает своих героев в экстремальную ситуацию, что позволяет выявить духовный потенциал каждого. Так, безусловной проверкой на прочность оказывается пребывание в «золотой клетке» шарашки, описанной в романе «В круге первом» (1968). Здесь арестанты поставлены перед моральным выбором: получить ценой компромисса с властями «свободу, чистый паспорт и квартиру в Москве» [7] или же лично противостоять злу.

Заключение в тюрьму круто меняет жизнь трех друзей романа – Глеба Нержина, Льва Рубина и Дмитрия Сологдина.

Пожалуй, самым сложным героем романа является Дмитрий Сологдин. Двенадцатилетний опыт заключения не сломил, а, кажется, закалил его нравственно и физически. Набожность Сологдина, строгая система самовоспитания создают представление о нем как об истинном христианине, живущем по законам самоограничения. Но, постепенно раскрывая внутренний мир героя, Солженицын-художник показывает, что его подвижничество внешнее, демонстративное. Например, каждодневная борьба Сологдина с «птичьими» словами, если воспользоваться терминологией «Лествицы», есть не что иное, как упрощенно понимаемый подвиг против пороков языка. Усилия героя главным образом направлены на борьбу с внешними трудностями согласно его формуле «внешним условиям подчиняться нельзя, это оскорбительно» [8]. Самосовершенствование Сологдина носит в целом односторонний характер: развивая прежде всего волю и интеллект, он забывает о своей душе. Годы, проведенные в заключении, он считает потерянными, о тюрьме думает «только как о чистом проклятии, из-под которого надо же когда-то вырваться» [9]. Высокая оценка академиком Челновым работы Сологдина – конструкции абсолютного шифратора – приближает героя к юношеской мечте о миллионе. Жизненные интересы героя, как выясняется, сосредоточены на получении земных благ – богатстве, славе, власти и прочих атрибутах, по его же словам, «настоящей Большой Жизни» [10]. В контексте «Лествицы» это означает, что Сологдин находится под влиянием преступных страстей чрева – сребролюбия и любостяжания (степ. 16 и 17). Следует подчеркнуть, что они подразумевают под собой привязанность к земным благам в широком смысле. «…Сущность подвигов этих двух степеней состоит не в том, чтобы не иметь никакой собственности, – комментировал «Лествицу» игумен Герман, – а в том, чтобы не привязывать своего сердца ни к какому стяжанию» [11]. К названным грехам примыкает сластолюбие (степ. 15), в чьей власти оказывается Сологдин в сцене с копировщицей Еминой.

---

[7] Там же. Т. 1. С. 59.

[8] Солженицын А. Малое собр. соч. Т. 1. С. 209.

[9] Там же. С. 164.

[10] Там же. С. 206.

[11] Герман (Осецкий), игум. Лествица до врат небесных. С. 60.

Низменный, плотский характер их отношений очевиден: «И – большой зелёный шерстяной тёплый ком дышал перед Сологдиным. Ждал распоряжения» [12].

Главной же бедой Сологдина становится тщеславие, переросшее в гордость: «В себе он слышал пение как бы вселенской победы – своей победы над целым миром, своего всесилия» [13]. Тщеславие и гордость (степ. 22 и 23) Лествичник фактически не разделяет и считает страшнейшими внутренними духовными искушениями подвижника на всем пути спасения. Так, коварство тщеславия безмерно: «Например: тщеславлюсь, когда пощусь; но, когда разрешаю пост, чтобы скрыть от людей свое воздержание, опять тщеславлюсь, считая себя мудрым. Побеждаюсь тщеславием, одевшись в хорошие одежды, но и в худые одеваясь, также тщеславлюсь. Стану говорить, побеждаюсь тщеславием; замолчу, и опять им же победился» (22:5). Тщеславие способно уничтожить достигнутое человеком, отбросив его назад, вниз с лестницы, что, собственно, и происходит с Сологдиным, яркой, одаренной личностью, превратившейся в рядового исполнителя власть придержащих. Его путь может быть выражен словами святого Иоанна: «Начало гордости – корень тщеславия, средина – уничижение ближнего, бесстыдное проповедание своих трудов, самохвальства в сердце, ненависть обличения, а конец – отвержение Божией помощи, упование на свое тщание, бесовский нрав» (23:2).

Постоянным оппонентом Дмитрия Сологдина является Лев Рубин. Ему собственное положение в тюрьме видится «трагичным в аристотелевском смысле» [14]. Он глубоко переживает вынужденное противостояние властям, олицетворяющим, по его мнению, «вполне верный, прогрессивный закон» [15]. В шарашке, как и до ареста, Рубин продолжает «спасать – идею. Спасать – знамя. Служить передовому строю» [16]. Будучи убежденным большевиком, он проповедует принципы коммунистической нравственности, базирующейся на противоположных христианству принципах. Добрый, способный к нравственному возвышению, он бессознательно ощущает ограниченность классовой морали, но при этом отказывается прислушаться к мнению своих идейных противников и пренебрегает собственным горьким опытом, боясь изменить свои жизненные установки.

Проект о «Гражданских Храмах» Рубина представляет собой неудачную попытку найти замену христианской церкви. Предложенный героем-атеистом вариант выхолощен, нацелен на решение злободневных (а не вечных) проблем. Следование бесчеловечным догмам «Передового Учения» порождает в Рубине душевный надлом. «Его душа подвергается постоянному расчленению – в нем постоянно доброе намерение превращается в злое. И это зло остается с ним, как неизлечимая болезнь, и мучит его»[17]. Потеснить зло в своей душе Рубину чрезвычайно трудно. Он, воспитанный в духе классовой ненависти, не может подавить

---

[12] Солженицын А. Малое собр. соч. Т. 1. С. 212.

[13] Там же. Т. 2. С. 26.

[14] Там же. Т. 2. С. 125.

[15] Солженицын А. Малое собр. соч. Т. 2. С. 126.

[16] Там же. Т. 1. С. 223.

[17] Лопухина-Родзянко Т. Духовные основы творчества Солженицына. Frankfurt/Main : Possev-Verlag, 1974. С. 108–109.

гнева (степ.8), который, по мысли Лествичника, как и родственные ему вспыльчивость, раздражительность и досада, является первоначальным пороком сердца.

Ближайшим и самым опасным следствием гнева святой Иоанн называет памятозлобие (степ. 9). В идеале человек должен при виде врага, попавшего «в некое злоключение душевное или телесное», скорбеть «о нем, как о себе» (10:12). Такого рода душевное движение иногда появлялось у Рубина в минуты, когда, по словам Нержина, он рассуждал «от сердца» [18], от сердца, свободного от ожесточения. Между тем главными побуждающими силами последнего поступка Рубина становятся ненависть и злопамятность. Решение о поимке Володина принимается Рубиным в конечном счете как возможность отомстить врагам Революции и конкретно Сологдину, серьезности идейных расхождений с которым он до определенного момента не предполагал. «Ему прояснялся тот единственный сокрушительный удар, который он мог нанести Сологдину и всей их своре. Ничем другим их не проберёшь, меднолобых! <…> Перемочь болезнь, слабость, нежелание – и завтра с раннего утра припасть, принюхаться к следу этого анонима-негодяя, спасти атомную бомбу для Революции» [19].

Как указывал святой Иоанн, тесным образом с пороками сердца связаны страсти языка – клевета, многоглаголание (степ. 10 и 11) и особенно ложь (степ. 12), «ибо нет порока, против которого Всесвятой Дух произнес бы столь страшное изречение, как против лжи» (12:3).

Защищая социалистические мифы, Рубин оказывается в ситуации самообмана: «Сплетатель лжи извиняется благим намерением, и что в самом деле есть погибель души, то он почитает за праведное дело» (12:11). Лишь бессонной ночью благодаря голосу совести Рубин на короткое время приближается к мысли о раскаянии. При этом вину за совершенные им грязные поступки во имя ложного смысла он склонен списывать на других. Ход мыслей героя обнажает безответственность и известную ограниченность его позиции. Он думает про себя: «Но если понял, что это было ужасно, но если никогда бы этого не повторил, но если уже отплачено? – как это счистить с себя? Кому бы сказать: о, этого не было! Теперь будем считать, что этого не было! Сделай так, чтоб этого не было!..» [20].

Таким образом, столь разные персонажи демонстрируют существенную близость: они не готовы воспринять выпавшие на их долю испытания как возможность духовного прозрения, нравственные поиски приятелей-антагонистов касаются прежде всего вопросов земного благополучия.

Героем, образ которого отражает духовно-нравственные искания автора романа, является Глеб Нержин.

История Нержина словно подтверждает правильность ряда формулировок святого Иоанна относительно духовной жизни. Так, автор «Лествицы», не исключая возможности подвижничества в миру, настаивал на том, что достичь духовных высот можно только разорвав связи с миром. Именно удаление от мира (степ. 1),

---

[18] Солженицын А. Малое собр. соч. Т. 1. С. 41.
[19] Там же. Т. 2. С. 121–122.
[20] Солженицын А. Малое собр. соч. Т. 2. С. 130–131.

отсечение всех земных привязанностей (степ. 2) и уклонение от мира (степ. 3) помогают, по мнению святого Лествичника, устранить внешние преграды на пути подвижника. Обозначенные христианским богословом ступени являются характерными приметами тюремной жизни. Для Нержина заключение явилось отправной точкой самопознания. Это позволяет ему утверждать, что тюрьма – это «не только проклятье, она и благословенье» [21]. Правда, редкие свидания с женой убеждают героя в том, что у него «…тянется от сердца на волю еще вот эта живая струнка, никак не отомрет – любовь к жене» [22]. Он вынужден согласиться с Герасимовичем, предположившим, что «есть только один путь к неуязвимости: убить в себе все привязанности и отказаться от всех желаний» [23].

В размышлениях героя о годах, прожитых в тюрьме, слышится то, что можно назвать свободным отречением от своей воли: «По сути вовсе не жаль пяти просиженных лет. Еще даже не отдаляясь от них, Нержин уже признал их для себя своеродными, необходимыми для его жизни… От скольких молодых шатаний, от скольких бросаний в неверную сторону оберегла его железная предуказанная единственная тропа тюрьмы!» [24]. Послушание (степ. 4) по Лествичнику «есть гроб собственной воли и воскресение смирения…» (4:3). При этом принципиальная роль в «Лествице» отведена достойному духовному наставнику, которого себе должен выбрать инок. Что же касается мирян, то, как замечает игумен Герман, их «руководителями ко спасению» могут быть и просто «люди опытные, благоразумные и просвещенные» [25]. На протяжении всего повествования Нержин жадно прислушивается к мнению своих собеседников – Рубина, Сологдина, Герасимовича, дворника Егорова. Надя вспоминает, как впервые после разлуки издали увидела своего мужа: «Такой же жёлтый, такой же исхудавший, как его товарищи, он весь сиял и с одобрением, с упоением слушал соседа – седобородого статного старика» [26]. Общение с незаурядными, много видавшими и испытавшими в своей жизни людьми внутренне обогащает героя, заставляет его отказаться от прежних идейных убеждений.

С отрочества Нержина отличало «неуимчивое чувство на отгадку исторической лжи» [27], которое и привело его в тюрьму. Уже здесь он остро ощутил личную ответственность за свои поступки: «Лишь бы меня не грызло…» [28]. Нравственное кредо героя совпадает с настоянием святого Иоанна: «Целью и правилом во всех случаях да поставляем по Богу совесть нашу и, узнавши, откуда веют ветры, по ее указанию уже да распростираем и паруса» (26:7). Повышенная требовательность к себе, нетерпимость ко злу и лжи свидетельствуют

---

[21] Там же. Т. 1. С. 164.
[22] Там же. С. 225.
[23] Там же. С. 226.
[24] Там же. С. 331.
[25] Герман (Осецкий), игум. Лествица до врат небесных. С. 37.
[26] Солженицын А. Малое собр. соч. Т. 1. С. 235.
[27] Там же. С. 231.
[28] Там же. Т. 2. С. 240.

о том, что герой уже «стяжал корень добродетелей», как говорится в резюме главы «Лествицы» о том, кто в себе победил ложь (степ. 12).

В сцене свидания с Симочкой Нержину удается справиться и с таким пороком, как сластолюбие. О сложности борьбы с пороками чрева Лествичник пишет особенно подробно, подчеркивая при этом, что победить их полностью человеку не дано, так как сражаться приходится со своей телесной природой. Это хорошо известно по собственному опыту арестантам шарашки, мечтающим «о двадцати двух неразумных, безумных женщинах, вольных сотрудницах, допущенных в это суровое здание» [29]. Например, Нержин советовал молодому арестанту Доронину направить «энергию в другие сферы!»: «Занимайся философией – не нужно ни хлеба, ни воды, ни женской ласки». Однако, замечает автор, «философию представлял он Руське как убежище, но сам в том убежище выл давно» [30]. Однако после свидания с женой, оставшись наедине с Симочкой, Нержин старается быть предельно честным перед ней и самим собой: «Я считал бы себя негодяем, если бы сегодня… если бы… не исповедался тебе» [31]. В эти минуты «простегивало Глеба раскаяние» [32] за легкомысленно поданную влюбленной в него девушке надежду, и он переживает глубокое сердечное сокрушение: «Прости меня! – забрало Глеба. – Прости меня! Прости меня!!» [33]. Момент осознания Нержиным своего недостойного поведения соотносится с очередным покаянием (степ. 5 «Лествицы»). Так, приобретенные героем добродетели помогают ему потеснить в сердце порочную страсть.

Нержин приходит к признанию абсолютного значения духовно-нравственных ценностей. Поочередно получая от Яконова, Рубина и Сологдина предложения принять участие в разработке спецзаданий Министерства госбезопасности СССР, он практически сразу отказывается от соблазна стяжания, обещающего ему земные блага: «Для чего же жить всю жизнь? Жить, чтобы жить? Жить, чтобы сохранять благополучие тела? Милое благополучие! Зачем – ты, если ничего, кроме тебя!..» [34].

«Беззаботная полувольная жизнь» [35] спецтюрьмы № 1 герою напоминает то, что его не устраивало «в *вольном* мире – поверхностном, благополучном» (курсив мой. – Е.Б.) [36], и он делает следующий шаг по пути «удаления от мира»: дает согласие Наде на развод и выбирает для себя лагерь. Авторское отступление о предстоящем Нержину этапе актуализирует характерный для Солженицына мотив «памятования о смерти» (степ. 7 «Лествицы»). «Этап всегда – миг напоминания, миг – «все там будем». Этап заставляет каждого, даже не тронутого им, зэка подумать о бренности своей судьбы, о закланности своего бытия топору ГУЛАГа» [37].

---

[29] Там же. Т. 1. С. 227.
[30] Там же. С. 77.
[31] Там же. Т. 2. С. 237.
[32] Там же. С. 238.
[33] Там же. С. 242.
[34] Солженицын А. Малое собр. соч. Т. 1. С. 52.
[35] Там же. Т.2. С. 289.
[36] Там же. С. 240.
[37] Там же. С. 294.

В конце романа Нержин приближается к аскетической свободе. Он становится одним из тех, кого «ожидало только худшее. Но в душах их был мир с самими собой. Ими владело бесстрашие людей, утерявших *всё* до конца, – бесстрашие, достающееся трудно, но прочно» (курсив мой. – Е.Б.) [38]. Такое душевное состояние непосредственно связано с отложением земных забот, когда человеку, по существу, не за что бояться, он ни к чему не привязан. Получается, что согласно идеям святого Иоанна, покидающие шарашку зеки преодолевают «малодушную боязливость», которой отводится 21-я ступень его книги. «Если мы от сокрушения сердца с преданностию Богу усердно ожидаем от Него всяких непредвидимых случаев, то мы воистину освободились от боязливости» (21: 9). Святой Лествичник говорит и о трудностях подъема на эту ступень: «Нельзя в одну минуту насытить чрево, так нельзя и боязливость победить скоро» (21: 8).

Таким образом, Нержин на собственном опыте постигает христианские истины. Его ссылка в разговоре с Герасимовичем на авторитет Библии не случайна. «Ведь помните: «В начале было Слово? Значит, Слово – исконней бетона? Значит, Слово – не пустяк?» [39]. Перемену в мироощущении Нержина заметила и Надя, когда ее предположения о том, не начал ли он верить в Бога, муж не стал отрицать.

Солженицын мыслит человека способным отличить добро от зла и сделать осознанный выбор. Принципиально важным для писателя в этой связи становится понятие свободы: «Подлинно человеческая свобода – есть от Бога нам данная свобода *внутренняя*, свобода определения своих поступков, но и духовная ответственность за них» (курсив мой. – Е.Б.) [40]. Данный взгляд, христианский в своей основе, проповедовал и автор той же «Лествицы», исходивший из того, что каждый человек обладает свободой воли и соответственно сам определяется в отношении к Богу.

Сделанные нами наблюдения уточняют представления о христианском дискурсе А.И. Солженицына, указывают на высоту духовно-нравственных установок писателя уже в его первом законченном прозаическом произведении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герман (Осецкий), игум. Лествица до врат небесных. Как читать «Лествицу» мирянину [Текст]. – М. : Изд.-во им. свт. Игнатия Ставропольского, 2001. – 93 с.

2. Лопухина-Родзянко, Т. Духовные основы творчества Солженицына [Текст] : моногр. – Frankfurt/Main : Possev-Verlag, 1974. – 179с.

3. Православная энциклопедия [Электронный ресурс] / под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. – 2011. – Т. 24. С. 404–431. – Режим доступа : http://-www.pravenc.ru/text/471351.html (дата обращения 11.05.2011).

4. Солженицын, А.И. Малое собр. соч. [Текст] : в 7 т. – М. : ИНКОМ НВ, 1991. – Т. 1. – 352 с. ; Т. 2. – 320 с. ; Т. 5. – 432 с.

---

[38] Там же. С. 309.

[39] Там же. Т.2. С. 250.

[40] Солженицын А.И. Слово при получении премии «Фонда Свободы» // Солженицын А.И. Публицистика. Т. 1. С. 307–308.

5. Солженицын, А.И. Публицистика [Текст]: в 3 т. – Ярославль : Верхне-Волжское книжное изд-во, 1995–1997. – Т. 1. – 720 с. ; Т. 3. – 560 с.

E.V. Belopolskaya

A.I. SOLZHENITSYN AND SAINT JOHN OF THE LADDER: MORAL AND SPIRITUAL DEVELOPMENT (BASED ON THE NOVEL «IN THE FIRST CIRCLE»)

The paper analyzes A. Solzhenitsyn's novel «In the First Circle» (1968) as a literary representation of Christian ideas of moral and spiritual development. The Christian image of the ladder, which was used by Saint John of the Ladder as a symbolic representation of one's way to God, has been a guiding star for numerous generations of Christians. To better understand the first prosaic work by A. Solzhenitsyn one should view it through the prism of Christian philosophy or, to be more specific, through the prism of asceticism. A. Solzhenitsyn's prisoners have to make a moral choice in favor of good or evil. Viewed through the prism of the Ladder such different characters as Rubin and Sologodin demonstrate considerable similarity. Both disregard moral and spiritual development and focus on earthly well-being. Nerzhin's story is an illustration of Saint John of the Ladder's philosophy. Having chosen to climb the long ladder of moral and spiritual development, the character gradually gains ascetic freedom.

Solzhenitsyn, Saint John of the Ladder, Christianity, asceticism, steps of the Ladder, virtues and vices, spiritual battle.